Г124—
212

Х. И. Поповъ.

Г124
212

ДОНСКОЙ АТАМАНЪ

Ермакъ Тимоѳеевичъ

покоритель Сибири.

Новочеркасскъ.
„Частная Донская Типографія.
1908.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 30173 1919г.

Атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ.

(По народнымъ преданіямъ и пѣснямъ).

Никто изъ народныхъ героевъ не пользуется такою популярностію на Дону, какъ знаменитый въ лѣтописяхъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ. О немъ знаетъ не только старый казакъ, но и подростокъ юноша, едва начинающій понимать историческія преданія своей родины. На обычные между казаками вопросы: „Кто заслужилъ намъ Донъ?“ Каждый изъ нихъ отвѣчаетъ: „атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ“. „А почему ты называешься казакомъ?“ — „По дѣдушкѣ Ермаку, по Донскому казаку“. Эти вопросы и отвѣты, повидимому, сложились у казаковъ издавна, быть можетъ даже современны самому Ермаку, и неизмѣнно переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Имя Ермака священно для Донскихъ казаковъ и составляетъ ихъ народную гордость. Оно неизгладимо сохраняется въ народныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ и воодушевляетъ казака къ славнымъ подвигамъ, завѣщаннымъ этимъ героемъ, родоначальникомъ славы Донского Войска.

Въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, даты которыхъ, впрочемъ, требуютъ провѣрки, упоминаніе объ Ермакѣ въ первый разъ встрѣчается подъ 1579 годомъ и затѣмъ подъ 1581—1584 гг. при покореніи имъ Сибири, гдѣ и окончилась его жизнь. Позднѣйшими изысканіями, какъ увидимъ ниже, выяснено, что Ермакъ въ 1581 году участвовалъ, какъ атаманъ Донскихъ казаковъ, въ составѣ царской рати подъ Могилевомъ на Днѣстрѣ. О походѣ же его въ Сибирь точно указывается въ грамотѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго къ Строгановымъ отъ 16 ноября 1582 года.

Между тѣмъ по преданіямъ и пѣснямъ появленіе Ермака на поприщѣ исторической дѣятельности относится къ болѣе раннему времени,

именно ко времени покоренія Казани (1552 г.). И всѣ эти преданія, всѣ эти пѣсни, если сопоставить ихъ съ ходомъ историческаго развитія Донского казачества въ данную эпоху, заслуживаютъ большого довѣрія. Не даромъ же сложилась пословица: „пѣсня-быль“.

Въ лѣтописяхъ о покореніи Казани умалчивается не только объ Ермакѣ, но и вообще о Донскихъ казакахъ. Чѣмъ же объяснить такой пробѣлъ? Конечно неполнотою лѣтописей или неточностію повѣствованія, упоминающаго лишь о казакахъ.

Но этотъ пробѣлъ пополняется слѣдующимъ преданіемъ, записаннымъ на Дону *А. Ригельманомъ* сто тридцать лѣтъ тому назадъ ([1]). „Донскіе казаки, *свѣдавъ*, что Московскій Царь Иванъ Васильевичъ Грозный ведетъ войну съ татарами и стоитъ подъ Казанью, рѣшились помочь Царю. Подъ предводительствомъ своего атамана казаки явились къ Казани и сказали, что они, русскіе вольные люди съ Дону, пришли помочь Царю взять Казань и „за домъ Пресвятыя Богородицы всѣ свои головы готовы положить“. Получивъ отъ Царя разрѣшеніе, они сдѣлали подкопъ подъ городъ, подкатили туда нѣсколько бочекъ пороху и принесли теплую молитву Богу о ниспосланіи успѣха. Наступилъ часъ взрыва, и Донцы первые бросились въ городъ, поражая безъ пощады сопротивлявшагося непріятеля. Въ награду за этотъ подвигъ Царь предложилъ казакамъ денежную казну и другую добычу. Но они отказались отъ всего этого и просили пожаловать ихъ только „рѣкою Дономъ до тѣхъ мѣстъ, какъ имъ надобно“. Уваживъ вполнѣ такую просьбу, Царь утвердилъ это пожалованіе своею грамотою съ крѣпкимъ подтвержденіемъ ненарушимости ея.

Далѣе у Ригельмана говорится, что съ упомянутой грамоты были списки въ каждой станицѣ и читались ежегодно въ ихъ собраніяхъ (кругахъ) „въ день Покрова Пресвятыя Богородицы послѣ обѣдни“ ([2]).

([1]) „Исторія или повѣствованіе о Донскихъ казакахъ“—Ригельмана, написан. въ 1778 г., стр. 4 и 5.

([2]) Самый день этого торжества свидѣтельствуетъ объ участіи Донскихъ казаковъ въ покореніи Казани, такъ какъ съ 1-го на 2-е октября назначенъ былъ общій приступъ, а 2 числа утромъ взята Казань (Исторія Россіи—Соловьева, т. VI, стр. 92 и 93). Войсковой кругъ 1 октября на Дону считался главнымъ до XIX ст. включительно.

Достовѣрность приведенныхъ выше преданій вполнѣ подкрѣпляется и другимъ свидѣтельствомъ, занесеннымъ въ лѣтопись далеко ранѣе Ригельмана, именно современникомъ Царя Алексѣя Михайловича Гр. Кошихинымъ (Котошихинымъ), еще въ 1666 - 7 г. А Котошихинъ хорошо зналъ казачьи дѣла потому, что онъ служилъ въ Посольскомъ приказѣ, вѣдѣнію котораго принадлежали сношенія съ Донскими казаками съ начала XVII столѣтія (1614 г.), времени весьма близкаго къ покоренію Казани.

Въ его повѣствованіи говорится слѣдующее. „И дана имъ (казакамъ) на Дону своя воля... А ежели-бъ имъ воли своей не было и они-бъ на Дону служить и послушны быть не учали, и только-бъ де они, Донскіе казаки, не укрѣпились бы, и не были-бъ давно въ подданствѣ за Московскимъ Царемъ Казанское и Астраханское царствы съ городами и землями во владѣтельствѣ“ ([3]).

Это преданіе было отмѣчено въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія и Донскимъ историкомъ *В. Д. Сухоруковымъ* ([4]), не знавшимъ объ исторіи Донскихъ казаковъ — Ригельмана, изданной только въ 1846 г. У Сухорукова, между прочимъ, говорится, что казаки „отъ Казанской брани считаютъ прочное водвореніе свое на Дону и законное, Государемъ пожалованное, право на свою землю“... „О томъ, что въ это время дана (была) казакамъ жалованная грамота на владѣніе р. Дономъ есть общее и согласное мнѣніе всѣхъ казаковъ. Многіе утверждаютъ, по преданіямъ предковъ своихъ, что она представляема была Императору Петру 1-му въ 1695 году, когда Государь сей изволилъ останавливаться въ Черкаскѣ во время путешествія своего къ Азову и съ того времени неизвѣсто уже гдѣ затратилась“.

Итакъ, справедливость преданія *объ участіи* Донскихъ казаковъ въ покореніи Казани не подлежитъ сомнѣнію. Является затѣмъ вопросъ, кто же предводительствовалъ тогда казаками? Устныя преданія и до сихъ поръ называютъ атаманомъ ихъ Ермака Тимоѳеевича. Тоже самое говорится и въ народныхъ пѣсняхъ.

([3]) Котошихинъ, изд. 1, С.-Пет. 1840 г., стр. 107, гл. IX.

([4]) Собственноручное его примѣчаніе въ одной сохранившейся черновой тетради. — „Историческое описаніе Земли Войска Донского“ (1821—1827 гг.).

Въ этихъ пѣсняхъ предъ нами возстаетъ величественная личность Ермака Тимоѳеевича, мѣстомъ дѣйствій котораго сначала указывается Тихій Донъ Ивановичъ, затѣмъ Казань и, наконецъ, Сибирь.

Къ первому періоду его дѣятельности относятся *три* пѣсни тожественныя по содержанію ([5]), одну изъ которыхъ и приводимъ въ полномъ текстѣ.

Какъ у насъ было на Тихомъ Дову Ивановичѣ
Живутъ, слывутъ люди вольные, казаки Донскіе,
Какъ поставили казаки крѣпостцу,
Какъ и крѣпостцу они новую.
По угламъ ея стоятъ башеньки,
Какъ на тѣхъ было башенькахъ,
Да и сверху на маковкахъ,
Караулы поставлены, часовые разставлены;
Не за долгимъ помѣшкавшись, пищаль—турка вдарила.
Чрезъ два часа мѣшкавши, еще одна прогрянула,
Чрезъ три часа мѣшкавши, съ караула казакъ бѣжитъ,
Онъ бѣжитъ—спотыкается, говоритъ—захлебается:
— „Ой ты, батюшка, ты Донской атаманушка,
„Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
„Какъ у насъ было на морѣ
„Не чернымъ зачернѣлося, не бѣлымъ забѣлѣлося,
„Зачернѣлись на море все турецкіе корабли,
„Забѣлѣлись на морѣ все бѣлые паруса!“
Какъ возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
„Ой вы братцы, казаченьки!
„Садитесь вы въ легкія лодочки,
„Берите вы бабаечки еловыя,
„Догоняйте вы кораблики турецкіе,
„Вы снимайте съ турокъ головы забритыя,

([5]) Эти пѣсни могутъ быть отнесены также и ко второму періоду, именно ко времени послѣ покоренія Казани.

„Забирайте же вы невольничковъ,
„Провожайте ихъ на святую Русь!“ ([6]).

О покоренiи Казани мы имѣемъ *четыре варьянта* пѣсенъ, одинаково называющихъ атаманомъ Ермака Тимоѳеевича. По одному изъ нихъ „на Кумѣ рѣкѣ“, по другому безъ обозначенiя мѣстности, по третьему „на устьѣ матушки Волги рѣки“, а по четвертому „на степи Саратовской“ —

Собирались казаки – охотники:
Донскiе, Гребенскiе со Яицкими,
Атаманушка былъ у казаковъ
Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ...
(15, 16 ([7]).
Во кругу стоятъ, думу думаютъ,
А среди ихъ круга казачьяго
Тамъ Ермакъ стоитъ Тимоѳеевичъ.
(16).
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вострубитъ:
„Вы други мои, Донскiе казаки,
„Донскiе, Гребенскiе со Яицкими!
(15).
„Какъ вы думайте, братцы, да подумайте,
„Меня, Ермака, вы послушайте!
(14).
„Проходитъ, други, лѣто теплое,
„Настаетъ зима холодная—
„И гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
(15).
„На Яикъ намъ пойтить—переходъ великъ,
„А за Волгу пойтить—намъ ворами слыть...
(14).

([6]) „Донскiя казачьи пѣсни“, собран. и издан. А. Пивоваровымъ. Новочерк., 1885 г., стр. 8 и 9 (изъ „Донской Газеты“).

([7]) Эти и послѣдующiя цифры обозначаютъ нумера пѣсенъ собранныхъ А. Пивоваровымъ.

„Пойдемте мы, братцы, подъ Казань городъ!
„Подъ тѣмъ ли подъ городомъ самъ Царь стоитъ,
„Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
(14).
„Мы пойдемъ, братцы, ему поклонимся
„И подъ власть его... покоримся.
(14).

Въ это время, по словамъ двухъ варіянтовъ, къ казакамъ прибылъ посолъ съ царскимъ указомъ, выслушавъ который, Ермакъ отвѣчалъ:

„Я тебя, посланничка, не слушаю,
А я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду".
(13).

Какъ совершенъ былъ походъ подъ Казань, въ трехъ варіянтахъ умалчивается, по четвертому же Ермакъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, говоритъ:

„Садитесь вы въ лодки коломенки,
„Забивайте кочеты кленовые,
„Накладывайте весельца еловыя,
„Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
„По матушкѣ Волгѣ подъ Казань городъ"...
(15).

Приставали къ крутому, красну бережку,
Выкидали поточены (мостки) дубовые,
Выходили на крутъ красный бережокъ.
Тутъ-то Ермакъ убирается,
Тутъ-то Тимоѳеевичъ снаряжается,
Вздѣваетъ сапожки сафьяновые на босу ножку,
Кармазинную черкесочку на опашечку,
Соболиную шапочку на правый бочекъ,
Подпоясываетъ сабельку булатную.
Идетъ Ермакъ къ самому Царю,
Къ тому шатру полотняному...
Хорошъ, прихожъ молодецъ народился,
Въ три ряды черны кудри завивалися.

Пришелъ Ермакъ къ самому Царю,
Сталъ Государь его спрашивать:
„Не ты ли Ермакъ Тимоѳеевичъ?
„Не ты ли воровской атаманушка?
„Не ты ли ходилъ гулялъ по синю морю?
„Не ты ли разбивалъ бусы ([8]) корабли?
(13, 15).
Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
„Батюшка, падежда, свѣтъ великій Государь!
„Не вели казнить, вели рѣчь говорить:
„Мы не воры были, не разбойники,
„А мы были—морскіе охотники...
„Разбивали мы бусы корабли,
(13, 15).
„Бусы корабли не орленые, не клейменые.
„Отслужу я тебѣ, Государь, службу вѣрную:
„Ты позволь мнѣ, Царь, Казань городъ взять...
(14).
Государь возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
„Хорошо Ермакъ на суду стоялъ,
„Хорошо предъ Царемъ отвѣтъ держалъ.
„Но, ой, ты удалой добрый молодецъ,
„Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ!
„Какъ знать войтить въ Казань городъ?
(15).
Ермакъ отвѣчалъ:
„Батюшка, надежда, свѣтъ великій Государь!
„Вели рыть подкопы глубокіе подъ Казань городъ,
„Закатить боченки зелья лютаго;
„Поставлю тебѣ двѣ свѣчи воску ярова
„И поставлю часового своего надежнаго,
„Донского казака, есаулушку любимаго,—

([8]) Буса— персидское судно.

„Ты узнаешь, какъ въ Казань городъ войтить,
„Какъ догорятъ двѣ свѣчи воску ярова!
(15).

Затѣмъ по одному варьянту Ермакъ переодѣвается въ нищенское платье и пробирается въ Казань подъ предлогомъ собиранія милостыни, а самъ примѣчаетъ, гдѣ находится пороховая казна и, возвратившись оттуда, распоряжается копать ровъ подъ эту казну.

Когда же подкопъ былъ готовъ, Ермакъ поставилъ одну *„свѣчу воску ярова“* на боченкѣ съ порохомъ, а другую—въ царскомъ шатрѣ.

„И сказалъ Ермакъ Царю Грозному:
„Догоритъ свѣча—я Казань возьму“!
(14).

По другому же варьянту Ермакъ съ казаками на своихъ лодкахъ поплылъ прямо въ Казань къ самому „повелителю Казанскому“ и тамъ былъ принятъ съ почестью и просьбою помочь отстоять Казань. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ занялъ мѣста *притинныя* (болѣе важныя) и поставилъ караулы крѣпкіе, приказавъ казакамъ въ свое время перевернуть пушки *„долгомѣрныя“*, направивъ выстрѣлы на Казань городъ, отбить въ воротахъ засовы желѣзные, и поставить знамя Царя Бѣлаго.

Проходитъ ночь, и вотъ
На бѣлой заре на утренней
Воску ярова свѣчи догораютъ,
Глубокіе подкопы разрываются,
(15).
Затряслась земля, всколебалася,
Стѣны градскія разрушаются,
Царя бѣлаго армеюшка во врата убирается,
Нашъ Бѣлый Царь радуется,
Входитъ въ славный во Казань городъ...
Выходитъ Государь во чисто поле
Разставляетъ шатры полотняные,
Призываетъ Ермака Тимоѳеевича;
Государь взговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:

„Ой, ты, удалой мой добрый молодецъ,
„Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ!
„Чѣмъ ты хочешь, тѣмъ буду жаловать:
„Селами или подселками,
„Или великими городами, помѣстьями“?
(15).

Ермакъ отвѣчалъ:
„Батюшка, надежда, свѣтъ великій Государь!
„Не жалуй ты меня городами, подселками
„И большими помѣстьями,—
„Пожалуй ты намъ батюшку тихій Донъ,
„Со вершины до низу,
„Со всѣми рѣками, потоками,
„Со всѣми лугами зелеными,
И съ тѣми лѣсами темными“!

Всѣ приведенныя выше преданія и народныя пѣсни заслуживаютъ тѣмъ большаго довѣрія, что передаваемыя въ нихъ событія не противорѣчатъ въ подробностяхъ историческимъ свидѣтельствамъ. Такъ, у Соловьева о покореніи Казани, между прочимъ, говорится: „въ августѣ началась осада. Приговорено было самому Государю и князю Владиміру Андреевичу стать на Царицыномъ лугу, царю Шигъ-Алею — за Булакомъ; на Арскомъ полѣ стать большому полку, передовому и удѣльной дружинѣ князя Владиміра Андреевича; правой рукѣ съ *казаками* за Казанкою ([9]); сторожевому полку на устьѣ Булака, а лѣвой рукѣ выше его ([10])... 150,000 войска со 150 пушками обложили Казань... Отъ безпрерывной пальбы по городу гибло въ немъ много людей; стрѣльцы и *казаки*, закопавшись во рвахъ передъ турами, также не давали казанцамъ входить на стѣны, снимая ихъ оттуда мѣткими выстрѣлами ([11])...

([9]) По современному описанію мѣстоположенія Казани „отъ Казани (начиналась) гора такъ высока, что трудно для глазъ взглянутъ на нее: на этой-то горѣ стоитъ городъ и палаты ханскія и мечети каменныя“.

([10]) Истор. Россіи—Соловьева, т. VI, стр. 88.

([11]) Тамъ-же, стр. 89.

Когда узналъ Іоаннъ, что казанцы берутъ воду въ тайникѣ, ключѣ на берегу р. Казанки у Муралеевыхъ воротъ, а ходятъ къ нему подземнымъ путемъ, то приказалъ воеводамъ Серебряному и Шереметеву уничтожить тайникъ; но воеводы сказали, что этого сдѣлать нельзя, а *можно подкопаться подъ тайникъ отъ каменной Дацировой бани, занятой уже давно русскими казаками* ([12]).

Вполнѣ согласно съ историческимъ повѣствованіемъ передаются въ пѣсняхъ и послѣдніе часы осады. 1-го октября Государъ отдалъ приказъ войску готовиться къ общему приступу. Оканчивалась ночь на 2 октября, отъ князя Воротынскаго Царь получилъ извѣстіе, что въ подкопъ поставлено уже *зелье*. Начинало разсвѣтать. Іоаннъ посылаетъ сказать полкамъ, чтобы готовились къ дѣлу, а самъ спѣшитъ въ церковь и приказываетъ наскоро совершить правило и служить обѣдню. Взошло уже солнце и лишь діаконъ произнесъ слова Евангелія „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“, какъ раздался громовой взрывъ подкопа, земля задрожала, городская стѣна была взорвана. Прошло еще нѣсколько минутъ... діаконъ читалъ эктенію о Царѣ, и вотъ при словахъ: „и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“ раздался второй взрывъ сильнѣе прежняго. Завязалась жестокая битва между осаждавшими и осаждаемыми. На стѣнахъ города развѣвались уже русскія знамена. Царь спѣшитъ на мѣсто сраженія. Прибытіе его еще болѣе воодушевило русское войско и Казань, послѣ упорнаго сопротивленія со стороны непріятеля, была взята. Подъ царскимъ знаменемъ отслуженъ былъ благодарственный Господу Богу молебенъ и водруженъ крестъ. Между тѣмъ отъ Муралеевыхъ воротъ была очищена улица къ дворцу царя Казанскаго и Іоаннъ торжественно вошелъ въ покоренный городъ. Послѣ осмотра города Государь возвратился въ свой станъ. Около царской палатки собралось войско. Царь обратился къ своимъ сподвижникамъ, обагреннымъ кровію, съ слѣдующими словами: „мужественные мои воины, бояре, воеводы и всѣ прочіе, знаменитые страдальцы за насъ и за отечество! Никто въ нынѣшнія времена не

([12]) Истор. Россіи—Соловьева, т. VI, стр. 90.

показалъ такой храбрости, какъ вы, любезные мои... За это преславное мужество вы достойны не только отъ меня благодарности, но и отъ Божіей десницы воздаянія... Всѣмъ оставшимся въ живыхъ *даемъ обѣщаніе пожаловать по достоинству*".

И дѣйствительно, по возвращеніи въ Москву три дня 8, 9 и 10 ноября давались награды воеводамъ и воинамъ... Кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, роздано было деньгами 48,000 руб. ([13]), а при такомъ важномъ значеніи завоеванія Казани, безъ сомнѣнія, и Донскіе казаки должны были получить такую награду, какую сами они пожелали, именно, пожалованіе ихъ р. Дономъ.

Съ паденіемъ Казани во владѣніе Московскаго государства поступила вся Волга и русскія поселенія получили возможность распространяться на юго-востокъ, въ богатыя страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными Дона ([14]).

Съ тѣхъ поръ прошло около *тридцати* лѣтъ, въ продолженіе которыхъ опять не встрѣчается въ извѣстіяхъ о Донскихъ казакахъ имени атамана Ермака Тимоѳеевича. Но за все это время и самыя извѣстія о казакахъ настолько скудны, что въ нихъ мы находимъ (подъ 1554 и 1570 г.) всего только трехъ атамановъ, названныхъ по именамъ. Между тѣмъ дѣятельность казаковъ съ каждымъ годомъ принимала все большіе и большіе размѣры. Помимо Дона значительные отряды ихъ дѣйствовали и на Волгѣ, наводя ужасъ на Ногайскіе улусы, а въ 1557 г. они участвовали съ царскими войсками въ покореніи Астрахани и въ 1576 г. находились въ такъ называемой „судовой рати", учрежденной Іоанномъ на Волгѣ, а чрезъ *шесть* лѣтъ совершился и походъ Ермака въ Сибирь. Объ этомъ походѣ сохранилась только одна, приводимая ниже, пѣсня, которою и исчерпывается пѣсенный матеріалъ объ Ермакѣ.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,

([13]) Исторія Россіи—Соловьева, т. VI, стр. 97.
([14]) Тамъ-же, стр. 101.

А повыше было города Камышина,
Собирались казаки—други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе,
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ,
Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ итить, да переходъ великъ,
Да на Волгѣ ходить, намъ все ворами слыть,
Подъ Казань градъ итить, да тамъ Царь стоитъ,
Какъ Грозной та Царь Иванъ Васильевичъ.
У него тамъ силы много множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ;
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебрявая рѣчь громко возговорила,
Рѣчь возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ:
„Гей вы думайте, братцы, вы подумайте
„И меня, Ермака, братцы, послушайте:
„Зазимуемъ мы, братцы, всѣ во Астрахани,
„А зимою мы, братцы, поисправимся,
„А какъ вскроется весна красная,
„Мы тогда-то, други братцы, во походъ пойдемъ,
„Мы заслужимъ передъ Грознымъ Царемъ вину свою:
„Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
„Да по синю морю, по Хвалынскому,
„Разбивали мы, братцы бусы корабли,
„Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
„Мы убили посланничка все царскаго,
„Какъ тово-то вѣдь посланничка персидскаго.
Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,

На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ иттить.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
„Ой вы, гой еси братцы, атаманы молодцы,
„Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
„Забивайте вы кочета еловые,
„Накладывайте бабаички сосновыя,
„Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
„Мы погрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
„Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
„Доберемся мы до царства басурманскаго,
„Завоюемъ мы царство Сибирское,
„Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
„А царя-то Кучума во полонъ возьмемъ,
„И за то-то Государь Царь насъ пожалуетъ.
„Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
„Я надѣну тогда шубу соболиную,
„Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
„Принесу я Царю Бѣлому повинную:
„Ой ты, гой еси надежда, православный Царь!
„Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
„Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
„Какъ и я-то воровской донской атаманушка,
„Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
„Что по синю морю, по Хвалынскому;
„Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы корабли,
„Какъ и тѣ-то корабли все не орленые,
„А теперича, надежда, православный Царь,
„Приношу тебѣ буйную головушку
„И съ буйной головой—царство Сибирское.

Рѣчь возговоритъ надежда, православный Царь,
Какъ и грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
„Ой ты, гой еси Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ!
„Ой ты, гой еси войсковой донской атаманушка!
„Я прощаю тебя, да и со войскомъ твоимъ,
„Я прощаю тебя, да за твою службу,
„За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
„И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный, тихій Донъ!“

Эта пѣсня очевидно испорчена позднѣйшими вставками и сложена изъ двухъ пѣсенъ, относящихся къ различнымъ событіямъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ ея (какъ и въ одной—№ 16 сборника Пивоварова объ участіи донскихъ казаковъ въ покореніи Казани) говорится: *„пониже было города Саратова, а повыше было города Камышина“*, тогда какъ ни того, ни другого во время похода Ермака въ Сибирь, а тѣмъ болѣе—подъ Казань еще не существовало (Саратовъ былъ основанъ въ 1584—1589 г., а Камышинъ—только въ 1668 г.).

Пѣсня о походѣ Ермака подъ Казань, сколько приходилось намъ слышать въ станицахъ, начинается такъ:

Какъ на рѣчкѣ было, братцы, на Камышенкѣ,
Тамъ и жили, поживали люди вольные:
Все Донскіе, Гребенскіе, они со Яицкими;
Атаманъ-то у нихъ былъ съ Дону Ермакъ Тимоѳеевичъ.
и т. д.

(Записано въ ст. Раздорской на Дону въ 1875 году).

Далѣе: *„подъ Казань градъ итить, да тамъ Царь стоитъ“*—прямо указываетъ на время покоренія Казани. Къ тому же событію, кажется, вѣрнѣе будетъ отнести и окончаніе: *„И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ“*.

Не отвѣчаетъ дѣйствительности и то мѣсто, гдѣ говорится: *„Мы убили посланничка все царскаго, какъ тово-то посланничка персидскаго“*. Такого случая въ историческихъ извѣстіяхъ того времени не встрѣчается. Если это относится къ случаю ограбленія волжскими атаманами Иваномъ Кольцо съ товарищами посла Василія Пелепелицына, ѣхавшаго вмѣстѣ съ ногайскими послами, то факта

убійства этого посла не было ([15]) и позже въ грамотѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго къ Строгановымъ 16 ноября 1582 г. онъ упоминается въ Перьми (какъ чердынскій воевода), куда повелѣвалось и Ермаку съ товарищами идти для охраны Пермской земли отъ набѣговъ пелымскаго князя, остяковъ, вогуличей и друг. ([16]). Ограбленіе же на Волгѣ *воровскими* казаками персидскаго посланника относится къ 1587 году, когда Ермака и въ живыхъ небыло ([17]).

Наконецъ, не согласуется съ обстоятельствами дѣла и то мѣсто, гдѣ Ермакъ называетъ себя воровскимъ донскимъ атаманушкой, какимъ онъ въ данное время совсѣмъ не былъ. Можно лишь допустить здѣсь поэтическую вольность, вытекающую изъ того обстоятельства, что, призвавъ въ свою дружину воровскихъ атамановъ Ивана Кольцо, Никиту Пана и друг., какъ выдающихся удальцовъ, вполнѣ пригодныхъ для задуманнаго труднаго дѣла—похода въ Сибирь, въ цѣляхъ загладить подвигами прежнія ихъ вины, Ермакъ принимаетъ на себя и отвѣтственность за нихъ предъ Царемъ. А когда совершилось покореніе Сибири, то съ повинною къ Царю онъ и посылаетъ атамана Кольцо съ товарищами, вины которыхъ и были имъ отпущены ([18]).

([15]) Историч. Описан. Земли Войска Донского, изд. 2-е. Новочерк., 1903 г., стр. 22, 23.

([16]) Акты, относящ. къ Исторіи Войска Донского, собр. г.-м. А. А. Лишинымъ, изд. Обл. Пр. В. Д., т. I-й. Новочерк., 1891 г., стр. 2 и 3.

([17]) Историч. Опис. З. В. Д., стр. 245.

([18]) Тамъ же, стр. 33.—Карамзинъ—Ист. Гос. Рос., изд. 1892 г., т. IX, стр. 248, 249.

II.

Атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ.

(По историческимъ даннымъ).

До послѣдняго времени принято было считать Ермака атаманомъ разбойническихъ шаекъ, съ которыми нерѣдко отожествляли и вообще Донскихъ казаковъ въ началѣ историческихъ о нихъ извѣстій. Время однако постепенно выясняетъ невѣрность этого взгляда на казачество, и вновь открывающіяся историческія документальныя свидѣтельства совершенно снимаютъ съ Ермака позорное имя разбойничьяго атамана.

Вотъ эти данныя. При назначеніи одного изъ сподвижниковъ Ермака—Гаврилы Иванова тюменскимъ атаманомъ, въ грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича тюменскимъ воеводамъ отъ 24 февраля 1623 года говорится: „служилъ де онъ (Ивановъ)... въ Сибири сорокъ два года, *а прежде того онъ служилъ намъ на полъ двадцать лѣтъ у Ермака въ станицѣ и съ иными атаманами*“ ([19]). О другомъ же сподвижникѣ его—Гаврилѣ Ильинѣ, когда надъ тобольскими казаками „старой сотни“ назначенъ былъ начальникомъ въ качествѣ головы боярскій сынъ Богданъ Аршинскій, Тобольскаго города пятидесятники и десятники, въ товарищей своихъ мѣсто 100 человѣкъ, били челомъ Государю, что служатъ они въ Сибири отъ Ермакова взятья лѣтъ по 40 и по 50 съ атаманами, а не съ головами и чтобы Государь пожаловалъ ихъ „за прежніе ихъ службы и закровь велѣлъ вѣдать ихъ по прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому, чтобы имъ государевы службы не отбыть и врозь не разбрестись (характеръ протеста совершенно одинаковый съ подобными протестами донскихъ казаковъ), а самъ Ильинъ въ другой челобитной Государю, между прочимъ, писалъ, что *до похода въ Сибирь онъ „двадцать лѣтъ служилъ съ Ермакомъ въ полъ и 50 лѣтъ въ Сибири“* ([20]).

([19]) Миллеръ, IV вып., § 94. Е. В. Кузнецовъ—Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тобольскъ, 1891 г., стр. 30.

([20]) Акты Мин. Юст., Сибирскаго приказа, столб. № 6112/68. П. Н.

Такимъ образомъ, эти два документа свидѣтельствуютъ, что Ермакъ въ 1560—70-хъ годахъ былъ атаманомъ станицы (какъ тогда называли отдѣльныя части, соотвѣтствующія современному намъ названію отрядъ), служившей на полѣ, повидимому между Волгою и Дономъ, для противодѣйствія ногайскимъ вторженіямъ въ русскія украинныя мѣста. И ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ того времени, обвиняющихъ казаковъ въ непозволительныхъ дѣйствіяхъ противъ ногайцевъ, а равно и въ погромахъ купеческихъ и друг. судовъ на Волгѣ, имя Ермака не упоминается. Не упоминается оно и въ числѣ атамановъ, заслужившихъ царскую опалу за нападеніе на волжскомъ перевозѣ близъ Сосноваго острова на ногайскихъ пословъ и боярскаго сына Василія Пелепелицына и ограбленіе ихъ. Виновными въ этомъ поступкѣ были атаманы Иванъ *Кольцо* и Богданъ *Борбоша* ([21]), впослѣдствіи сдѣлавшіеся сподвижниками Ермака при покореніи Сибири. Но и эту „провинность“ можно отнести къ вѣроятной ошибкѣ, къ незнанію казаковъ, что они имѣли дѣло съ царскимъ посломъ, какъ объ этомъ и передается въ пѣснѣ, приведенной выше (стр. 152).

Подобный примѣръ невольной вины мы встрѣчаемъ немного позже подъ 1586 годомъ. Въ это время шли въ Астрахань „на государево имя“ 82 челов. черкасъ съ атаманомъ Матусовымъ и остановившись на Балыклейскихъ горахъ, вслѣдствіе недостатка у нихъ продовольствія, были вынуждены голодомъ погромить волжскаго атамана Рязанцева съ казаками да два струга, принадлежавшихъ рыбнымъ ловцамъ, шедшимъ съ низу съ рыбою, при чемъ съ той и другой стороны было убито по нѣскольку человѣкъ. Тогда же они послали въ Москву съ повинною двухъ человѣкъ, а астраханскій царевичъ Муратъ-Гирей съ своей стороны ходатайствовалъ за нихъ предъ Царемъ Іоанномъ Грознымъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что Государь, от-

---

Буцинскій—Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ, 1889 г., стр. 2, 108 и 109.

([21]) Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, дѣла Ногайскія, кн. 10, л. 258—261. Историч. Опис. Земли Войска Донского, изд. 2, стр. 22 и 23.

давъ (простивъ) имъ вины, повелѣлъ привести ихъ къ крестному цѣлованію и отпустить на *поле*, предоставивъ имъ въ томъ „волю“ съ тѣмъ, какъ говорится въ грамотѣ, чтобы имъ тамъ „служити и нашихъ казаковъ и всякихъ нашихъ людей не громити и не грабити, а громити и приходити на нашихъ недруговъ и на погайскихъ людей, которые пойдутъ въ наши украйны“ ([22]).

Затѣмъ имя Ермака встрѣчается подъ 1581 годомъ, когда онъ принималъ участіе въ составѣ царской рати, бывшей въ походѣ противъ польскаго короля Стефана Баторія. Въ письмѣ къ королю пана Стравинскаго изъ Могилева говорится, что во вторникъ, 27 іюня 1581 г., пришли подъ королевскій городъ Могилевъ московскіе люди и въ 3-мъ часу дня сожгли предмѣстье, а за Дубровной — 6 домовъ и въ посадѣ надъ Днѣпромъ — до 100 домовъ. Перечисляя далѣе начальствовавшихъ надъ отрядами войскъ воеводъ, Стравинскій писалъ: „четырнадцатый Василій Яновъ, воевода *Донскихъ* казаковъ, и пятнадцатый *Ермакъ Тимоѳеевичъ*, атаманъ казацкій“. „Съ ними было людей... съ Дону и московскихъ (казаковъ) 1000 на коняхъ, которые цѣлый день во вторникъ, нападая со всею силою, старались прорваться къ городскому укрѣпленію, желая зажечь острогъ“ и т. д. ([23]).

Этотъ документъ, впервые обнародованный въ полномъ его текстѣ такимъ серьезнымъ историческимъ изслѣдователемъ, какимъ былъ М. І. Кояловичъ ([24]) и проливающій свѣтъ на Донское казачество XVI в. и на личность знаменитаго атамана Ермака Тимоѳеевича, одними историческими писателями былъ обойденъ, другимъ — не былъ

([22]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Ногайскія, св. 1, тетр. № 10 и № 13. „Донск. Обл. Вѣд.“ за 1905 г., № 61.

([23]) М. І. Кояловичъ — Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію и дипломатическая переписка того времени, относящаяся, главнымъ образомъ, къ заключенію Запольскаго мира (1581 — 1582 г.), стр. 252—254. № 51 „Донск. Обл. Вѣд.“ за 1905 г., № 67.

([24]) М. І. Кояловичъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи по каѳедрѣ гражданской русской исторіи, сынъ священника Гродненской губерніи, знакомый съ польскими источниками и много писавшій по исторіи юго-западной Руси.

извѣстенъ. Указаніе же историка Костомарова, высказавшаго по поводу нахожденія Ермака подъ Могилевомъ, что *нѣтъ основанія причислять его „къ разряду волжскихъ удальцовъ, навлекшихъ на себя опалу своими разбоями“* ([25]), безъ ссылки на источникъ, дало поводъ нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей считать это указаніе ошибкою на томъ основаніи, что Ермакъ въ 1581 году былъ уже въ Сибири и предположить, что подъ Могилевомъ былъ другой Ермакъ ([26]).

Но такое мнѣніе оказывается поспѣшнымъ и недостаточно обдуманнымъ. Является необходимость разобраться серьезнѣе въ этомъ вопросѣ и выяснить, насколько вѣрна хронологія лѣтописей и точно ли походъ Ермака въ Сибирь нужно относить къ 1581, а не къ 1582 г.

Еще Карамзинъ выразилъ сомнѣніе относительно лѣтописнаго опредѣленія времени упомянутаго похода, сказавъ утвердительно: *„если принять за основаніе хронологію царскихъ грамотъ, то Ермакъ отплылъ въ Сибирь осенью 1582 года,* а съ другой стороны и хронологія сибирскихъ лѣтописцевъ казалась ему „достовѣрною“ ([27]). Такъ и другіе историки приняли послѣднюю. Но въ сибирскихъ лѣтописцахъ легко могла вкрасться неточность, которую и слѣдовало бы исправить по такимъ болѣе достовѣрнымъ документамъ, какъ современныя царскія грамоты (16 ноября 1582 и 7 января 1584 г.). Самъ же Карамзинъ по поводу первой изъ этихъ грамотъ говоритъ: „но уже ли Іоаннъ чрезъ годъ узналъ о сибирскомъ походѣ казаковъ?“ тогда какъ „вѣсти въ Іоанново время сообщались немедленно и Государь могъ черезъ мѣсяцъ узнать, что дѣлалось въ Перми“. Однако же не рѣшился сдѣлать исправленіе. Въ самой древнѣйшей, такъ называемой, Есиповской лѣтописи о „Сибирской земли“

([25]) Русск. Истор. въ жизнеописаніяхъ, вып. III, стр. 520.

([26]) П. Н. Буцинскій—Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ. 1889 г., стр. 2. Е. В. Кузнецовъ—Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тобольскъ. 1891 г., стр. 20. А. И. Абрамцевъ—Ермакъ и царство Сибирское. Новочеркасскъ. 1904 г., стр. 15.

([27]) Ист. Госуд. Рос., т. XI, примѣч. 671 и 703.

(1636 г.), служившей основаніемъ и для другихъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, годъ похода Ермака въ Сибирь отмѣченъ такъ: „Въ таже времена девять десятые годины (7090 г. отъ сотворенія міра, соотвѣтствующій 1581 г. по Р. Хр.). Но это опредѣленіе времени было основано на разспросахъ оставшихся въ живыхъ дружинниковъ Ермака, и ошибка легко могла вкрасться или отъ неточности показанія, или отъ неточности вычисленія писавшаго запись чрезъ пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ. А разъ будетъ принятъ годъ похода казаковъ въ Сибирь 1582 (какъ это и слѣдуетъ считать на основаніи царской грамоты того года), то всякое сомнѣніе въ участіи Ермака въ дѣйствіяхъ подъ Могилевомъ въ 1581 году рушится само собою. Отвергающіе это указываютъ еще на то, что имя Ермакъ было распространеннымъ; но документъ, открытый М. І. Кояловичемъ, называетъ атамана *донскихъ* казаковъ *Ермакомъ Тимоѳеевичемъ*. Неужели же вышло совпаденіе и имени, и отчества съ другимъ атаманомъ, покорителемъ Сибири? Думается нѣтъ ([28]).

Обращаясь къ походу Ермака въ Сибирь, что мы находимъ въ этомъ великомъ замыслѣ?—Идти и покорить цѣлое новое царство басурманское. Это была не шайка разбойниковъ, а правильно организованная *военная дружина*, для которой были установлены Ермакомъ строгія правила нравственности и дисциплины, дружина, напутствовавшая себя предъ выступленіемъ въ походъ торжественнымъ молебствіемъ, какъ это и всегда было въ обычаѣ у казаковъ не воровскихъ того времени, сопровождаемая священниками и воодушевленная высокимъ мужествомъ и рѣшимостью побѣдить или умереть славною смертью. Трудный путь требовалъ отъ дружины Ермака неимовѣрныхъ усилій и напряженія физическихъ и нравственныхъ силъ, но эти трудности удалось преодолѣть и походъ завершился славною побѣдою и присоединеніемъ къ русской державѣ обширнаго царства Сибирскаго. Можно ли такой великій подвигъ считать дѣйствіемъ шайки разбойниковъ?!

Далѣе, что мы видимъ въ дѣйствіяхъ Ермака послѣ взятія Искера, столицы Сибири?—Онъ приводитъ къ присягѣ покоренныхъ та-

---

([28]) „Донск. Обл. Вѣд.“, ч. неофиц., 1905 г., № 72, стр. 2.

таръ, остяковъ и вогуличей, „чтобы имъ быть подъ царскою (конеч но Московскаго царя) высокою рукою до вѣку“ ([29]) и затѣмъ посылаетъ въ Москву станицу, съ атаманомъ Кольцо во главѣ, бить Государю новымъ царствомъ и просить о снятіи съ провинившихся на Волгѣ казаковъ царской опалы. Все это дѣлалось искренно и не съ предвзятою хитростью со стороны Ермака, въ чемъ ему не было нужды, если бы онъ не пожелалъ добровольно принести плоды своего подвига къ царскому трону. Вотъ за что ему и были оказаны отъ Царя большія почести, а исторія присвоила ему званіе покорителя Сибири.

Наконецъ, св. Церковь при самомъ основаніи въ Сибири архіепископской каоедры въ 1622 году (на 38 году послѣ смерти Ермака) установила занести имена убитыхъ воиновъ Ермака въ синодики для вѣчнаго поминовенія, а впослѣдствіи внести и въ обрядъ поминовенія Ермака съ дружиною въ недѣлю православія. Это отмѣчено и въ надписи на гранитной скалѣ новочеркасскаго памятника словами историка Карамзиина: *„Россія, исторія и церковь гласятъ Ермаку вѣчную память“*.

Вотъ почему Донъ, составлявшій въ древности метрополію русскаго казачества, празднуя свой трехсотлѣтній юбилей, почтилъ память покорителя Сибири, какъ одного изъ донскихъ атамановъ, стяжавшаго славу казачеству, рѣшивъ воздвигнуть ему монументъ въ Новочеркасскѣ, что также отмѣчено въ слѣдующихъ надписяхъ: на лицевой, южной сторонѣ скалы памятника—*„Ермаку Донцы“* и на противоположной—*„Донскому атаману Ермаку Тимоѳеевичу, покорителю Сибири, отъ благодарнаго потомства, въ память трехсотлѣтія Войска Донского 1570—1870 г.“*

О томъ же, что Ермакъ былъ Донской атаманъ, одинаково свидѣтельствуютъ дошедшія до нашего времени преданіе старины и былевыя казачьи пѣсни Дона, Урала и Терека.

Насколько Донцы чтутъ имя Ермака, это свидѣтельствуетъ распространеніе его портрета, ранѣе обязательно помѣщавшагося въ каж-

---

([29]) Шертная грамота въ актахъ Арх. М. И. Д., портф. Малиновскаго, карт. 3, № 95,— Буцинскій, стр. 3.

домъ станичномъ правленіи и не рѣдко встрѣчающагося еще и теперь въ частныхъ домахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее стихотвореніе донского поэта *А. А. Леонова* (написанное въ 1844 году ([30]).

Ермакъ.

Въ чертогахъ, въ хижинѣ убогой,
Въ лубкахъ иль въ рамѣ золотой,
Съ осанкой величаво строгой
Стоитъ онъ вѣчно, какъ живой.
Въ его рукахъ булатъ и пика,
Тяжелый панцырь на груди;
Златая гривна, даръ великій,
Виситъ на шеѣ; впереди,
Во славу чести богатырской,
Написанъ гербъ страны Сибирской.
И мнится, думою великой
Еще доселѣ онъ томимъ,
И грудь полна могучимъ крикомъ:
„Пойдемъ и царство покоримъ!
Пойдемъ, товарищи и други,
Забудемъ буйство и разбой,
И за безсмертныя заслуги
Потомство грянетъ намъ хвалой!“
И мнится взоръ его сверкаетъ,
Копьемъ онъ грозно потрясаетъ
И на груди богатыря
Гремитъ кольчуга, даръ Царя.

Закончимъ настоящій очеркъ оцѣнкою заслугъ Ермака, такъ краснорѣчиво выраженною другимъ, болѣе раннимъ поэтомъ *И. И. Дмитріевымъ* въ 1795 г. ([31]).

([30]) Стихотворенія А. Леонова. Изд. Я. А. Корнѣевъ. Москва, 1882 г., стр. 62.

([31]) Соч. И. И. Дмитріева, т. I, СПБ., 1893 г., стр. 150, 151.

Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири источенна
Твоимъ булатнымъ копіемъ!

. . . . . .

Великій! гдѣ-бъ ты ни родился
Хотя-бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился,
Хотя-бъ исчезъ твой самый прахъ;
Хотя-бъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
И жили съ алчными волками,—
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время на косу падетъ!

Х. Поповъ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
1	24	Днѣстрѣ.	Днѣпрѣ.
3	34	тетради.	тетради—
4	12	Казъ	Какъ
—	13	Да сверхъ	Да сверху
—	15	пйщать—	пищаль
—	29	короблики	кораблики
6	34	народился	народился,
8	23	заре	зарѣ
—	34	Призыватетъ	Призываетъ
10	28	. . . ей	свое
22	33	Дмитріева	Дмитріева,

3 —

263971/III